

Галина Романова

ТАЙНУ ХРАНИТ
ЗВЕЗДА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Латышова*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Тайну хранит звезда : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-250594-2

Жизнь учительницы Анны Корнеевой летит под откос. После развода она никак не может прийти в себя. Бывший муж Саша не только внушил ей психологические комплексы и убил веру в то, что она красивая и желанная женщина, но и собирается через суд отобрать у нее единственного сына Игоря. А может, экс-супруг и прав: она не создана для счастливой жизни и ей придется всю жизнь провести у школьной доски... Весь мир как будто ополчился против Анны. Неприятности достаются и тем, кто рядом. В ее выпускном классе одного ученика арестовали по обвинению в убийстве любовника своей матери, другая, двоюродница, выпала из окна, написав записку: в ее смерти виновата именно она — учительница Анна Ивановна Корнеева...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250594-2

© Романова Г.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Ему совершенно нечего и некого было бояться. Его никто не мог увидеть. Подъезд высотки был пуст. Кто-то уже ушел. Кто-то еще не ушел. Вероятности встретить кого-то на своем пути практически не было. А даже если и встретил бы, абсолютно никаких проблем. Он идет в гости к друзьям. Почти девять утра в Москве, вполне нормальное время для завтрака. Поэтому в одной руке он держал коробку с овсяным печеньем, в другой — средних размеров пакет с выглядывающим из него длинным батоном и круглой буханкой черного хлеба. Что было под хлебом, знал лишь он один. И что было в коробке с овсяным печеньем, тоже знал он один.

Он остановился у запертой двери и отдышался. Надо-надо снова выходить на пробежку. За зиму ожирел, заматерел, вот как следствие появилась одышка. В его деле этого быть не должно. Это промах. Он вытер потный лоб тыльной стороной ладони, бросил осторожный взгляд вниз, потом вверх, прислушался. Тихо как в могиле. Хотя изречение до-

статочно глупое и его легко можно оспорить. Кто там был, чтобы вернуться и рассказать? Так, предположения одни. Может, жмуриков демоны с чертями так донимают, что корчатся они и орут на своем им одним понятном языке.

Он позвонил в дверь, прислушался. Вскоре за дверью послышалась возня, дверной глазок потемнел — его рассматривали, потом щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и недовольный женский голос спросил:

— Раньше нельзя было?

— Никак нет. — Он угодливо улыбнулся: а чего не покривляться напоследок?

— Еще бы в шесть утра приперся! — фыркнула молодая женщина, решив, что он не понял ее упрека. — Мы с Гавром только-только отпыхтелись. Еще в себя не пришли...

Только тут он рассмотрел, нет, скорее угадал, что на ней кроме легкого шелкового халата и пары украшений ничего нет. Грудь вольготно моталась под шелком, таращась на него вздувшимися сосками. Зад также вольно гулял, не стиснутый резинками трусиков.

— Все бы вам трахаться, — укорил он ее с неискренней нежностью. — Нет бы о деле подумать, а они...

— Гавр! — крикнула женщина в сторону запертой спальни. — Выползай давай! Тут к нам твой клиент пришел!

Гавр, для нормальных людей, то есть по паспорту, — Гаврила, выскочил из спальни в широких длинных, до колен, шортах, с крупным крестом на шее, болтающимся на толстой золотой цепи.

— О! — протянул он руку для приветствия. — Ты чего в такую рань-то? Мы же только на двенадцать договаривались.

— Обстоятельства. — Он старательно отводил глаза от женщины, пышущая разгоряченная плоть которой не могла не волновать.

— А это чего? Для конспирации, что ли? — Гаврила ткнул пальцем в пакет с хлебом и коробку с овсяным печеньем.

— Какая конспирация, господи? — Он тихо рассмеялся. — Шел из булочной, мне позвонили, навязали «обстоятельства». Вот я и... И перенес время нашей встречи. В конце-то концов, что меняется: девять часов, двенадцать, так ведь? Это ведь уже у вас, так?

По тому, как мгновенно и маетно переглянулись Гаврила и его девка, которую он везде представлял как свою жену, совсем позабыв про законную, оставленную с детьми где-то в Рязани, он сразу понял: у них проблемы. Не у него — нет. У него проблем быть не может. Проблемы у них!

Решили выжать из него побольше? Лишняя тысяча — не помеха для таких уродов, встающих из постели в перстнях с сапфирами и в цепях на полкило золота. Или просрали то, что обещали? Но это же невозможно! Он видел это в их руках. Видел! Или думал, что видел?

Но обозначил уже там, где обещали его не просто завалять деньгами, но и помочь уехать. Уехать к чертовой матери из этой страны, где восемь месяцев холодная, голодная зима.

— Ребятки, давайте сразу к делу, а потом вот чайку попьем. — Он мотнул коробкой с овсяным печеньем. — Итак? Вы готовы?

— Мы-то... Мы-то всегда готовы, как пионеры. Век свободы не видать! — Гаврила оскалился как дурак, царапнув себя большим пальцем левой руки по кадыку. — Только клиент наш гребаный чего-то замутил.

— Не понял, — спокойно произнес он, хотя понял все и сразу.

У них нет того, за что он выплатил аванс. Пускай не очень большую сумму, но все же они для него не лишние. И он еще раз повторил:

— Не понял.

— Чего тут не понять-то?! — взвизгнула наглая голая девица, едва прикрытая тонким шелком. Она выступила чуть вперед, подбоченясь, уставив в него свои наглые соски и зверски сверкающие глазищи. — Нет у нас того, что ты хочешь! Нету! Еще раз повторить?!

— Я заплатил аванс.

Он наклонился и поставил к стене пакет с батоном и черным хлебом, прислонил его понадежнее, коробку с печеньем оставил в руках, принявшись в ней возиться, будто в самом деле чай пить собрался. Распрямился, холодно глянул в сверкающие наглостью глаза девки и еще раз повторил, шагнув вперед:

— Я заплатил аванс.

Она даже не поняла, что случилось. И наверное, совсем не почувствовала боли. Лицо ее не исказилось нисколько, когда он острым как бритва ножом, любовно названным «малыш», полоснул ей по горлу. Быстрым, коротким, заученным и отточенным до мастерства движением он вскрыл ей сонную артерию. Она не успела ни удивиться, ни ахнуть, ни предупредить своего дружка, который что-то бубнил за ее спиной про потраченные деньги.

Гавриле досталось, когда девка начала заваливаться вперед и чуть на левый бок. Ему он тоже раскроил горло. Но Гаврила оказался сильнее своей девки. Он успел схватиться руками за горло, успел что-то прошипеть и еще глянуть на него в диком изумлении. Потом и он упал. И легли они как на картине — крест-накрест. Два голубка, возжелавшие его одурачить. Он ведь все равно найдет то, за чем пришел. Даже если ему придется перерыть здесь все вверх дном.

С тяжелым вздохом он полез в карман штанов за тонкими резиновыми перчатками.

Перерыл он все, не осталось ни одного потайного места, но ничего не нашел, кроме своих же денег, все так же перетянутых желтой резиночкой. Он их забрал: это его! А больше ни к чему не прикоснулся. Ему не нужно! Неужели он позарится на золотую цепь или цацку с сапфиром?! Да чушь! Он не алчен до такой степени! Он любит зарабатывать, но крупно. На мелочах, таких как эта дурацкая цепь или перстень с сапфиром, легко можно проколоться или вляпаться. Ему не надо. Да и брезгует он этими свиньями! Брезгует снимать

с них что-то. Он их просто ненавидит. Ненавидит настолько, что позволил своему «малышу» исколоть их вдоль и поперек. «Малыш» не подвел, порадовал, как всегда, виртуозно. От этих свиней почти ничего не осталось.

Он остановился, лишь когда услышал какой-то шум в подъезде. Сюда, конечно же, никто не придет, в этом он был уверен. Но все равно надо было сворачиваться. Время поджимало. Он подхватил пакет, который стоял возле стены. Вытащил слегка подрагивающими окровавленными руками хлеб за самый краешек, положил на чистое, не забрызганное кровью место на столе. С остальным прошел в ванную комнату. Там неспешно разделся догола, дотошно свернул всю одежду изнанкой наружу, замотал целлофаном из-под хлеба. Потом долго и тщательно купался, несколько раз намыливаясь и скобля ногти щеткой. Вытерся полотенцем, которое принес с собой. С самого дна вытряхнул на чистое место на полу комплект чистой одежды. Грязную убрал в пакет. Потом оделся, причесал влажные волосы. Вернулся в комнату за хлебом и коробкой с печеньем. Все осторожно положил в пакет, пятнами крови вниз. Потом долго стоял у входной двери — когда от тишины в подъезде начало давить уши, он осторожно вышел из квартиры. Дверь прикрыл. Потом снял перчатки, сунул их на самое дно пакета и, чуть насвистывая, пошел вниз по лестнице. Вышел на улицу, посетовал на позднюю весну и пошел к мусорным бакам, возле которых только что остановилась мусороуборочная машина.

Все! От одежды и окровавленного хлеба с печеньем он избавился — надежнее не придумать. На его глазах контейнер опрокинулся в зловонное нутро мусорной машины. Улики уничтожены. Но...

Но цели-то он так и не добился, черт! Куда могли эти ублюдки подевать то, за что он выплатил аванс?! Куда? Он же видел это своими глазами. Правда, не оригинал и не в полном объеме, но видел же! И что же получается?!

Получается, что либо эти свиньи не выкупили у первоисточника интересующую его вещь, либо он не нашел это в их доме. Последняя мысль так резко подстегнула его, что он тут же решил вернуться.

Он кое-что просмотрел. Кое-что пропустил... кажется...

ГЛАВА 2

Шестиэтажное здание школы вынырнуло из плотного тумана громоздким серым крейсером, с узкими окнами, напоминающими бойницы, замызганными теперь ночным дождем. Тяжелые входные двери с латунными ручками, которые каждую минуту дергали чьи-то руки. Толстые пружины отвратительно визжали, натягивались, впускали очередную порцию извергов и снова сжимались, возвращая двери к прилолке. Ни один современный доводчик не выдерживал бы натиска юной агрессивной энергии, ни один. И завхоз,

плюнув, прибил к дверям старомодные, но такие надежные пружины. Они теперь визжали с утра до ночи.

Услышав этот истошный визг, она вздохнула и опустила голову. Господи, как же не хотелось туда идти! Каждое утро, каждый новый день был для нее испытанием. Каждый день она сдавала экзамен на выносливость и терпение. Пыталась улыбаться, говорить тихо и внятно, пыталась быть терпимой к их тупости, лени, злобе, неприязни. Каждый день. Но с каждым днем все труднее.

Она приостановилась, поправила на голове платок, одернула плащ, поудобнее схватилась за ручки сумки. И еще раз осмотрела себя — насколько позволял угол зрения — с головы до пят. Все как будто в порядке. Так и должно быть. Иначе быть не должно, иначе засмеют. Заметят сморщенные на коленке колготки, выбившуюся из-под юбки блузку, расплзшийся по шву джемпер или мучнистый налет перхоти на спине — и все! Засмеют! Сначала тихонько прыскавая в кулак за спиной. Потом мерзкий сдавленный смешок становится все громче и громче. Перерастает в откровенный хохот и переползает из коридора в классную комнату. И тогда конец! И тогда ничем уже себя не спасти. Ни ором, ни двойками и колами, ни выгоном из класса.

— Здравсте, Анна Иванна!

Она вздрогнула от неожиданности и осторожно обернулась. В этом медленном повороте головы тоже было много от ее стратегического плана выживания в этих опасных детских джунглях. Она не имела права нервозно дергаться

и делать испуганные замечания, что нельзя так неслышно подкрадываться и орать из-за спины. Что это неприлично, отвратительно и... пугает, в конце концов. Она должна была реагировать совершенно спокойно и АДЕКВАТНО!

Ох, как любила это слово их нынешняя директриса — Кольская Анастасия Станиславовна.

— Вы должны адекватно реагировать на любую дерзкую выходку, милые мои! — нежно поглядывала она на них на педсоветах поверх верхней дужки очень стильненьких и очень дорогущих очечков. — Не должны забывать, что перед вами детки! Они могут быть жестокими, злыми и невыносимыми. Но это всего лишь детки! Наши с вами детки. И мы их сделали такими! Мы! Наше невыносимое время, наша занятость! И в наших силах изменить их. Так дерзайте же...

Кольскую, к слову, она побаивалась ничуть не меньше этих извергов, которые каждый день наводняли классные комнаты и школьные коридоры. Но ей досталось чуть больше: ее она презирала. Считала ее педагогической проституткой, вечно заигрывающей с персоналом школы и идущей на поводу у малолетних оболтусов.

А чего ей, собственно, не быть такой? Муж где-то там на самом верху. Денег возами за месяц не перевозить, как считает их литераторша. Дом в три этажа за городом. Дети учатся за границей. Все в шоколаде! Чего ей не быть доброй, лояльной, понимающей, снисходительной?! На что злиться?! Она и на работу-то вышла скорее от скуки, чем по необходимости. Дома стены надоели, вот и поскакала

в школу. Она же тут не работает, нет, она тут развлекается... Коза длинноногая!..

— Здравствуй, Петровский, — едва заметно двинула она подбородком и слабо улыбнулась молодому человеку, рано созревшему, рано обнаглевшему и рано познавшему все о взрослой безнравственной жизни. — Ты что здесь делаешь?

Она повела свободной от сумки рукой вокруг себя.

Вокруг нее был пустырь, через который она проходила каждое утро. Отвратительное запущенное место с узкой тропинкой. Слева от тропы глухой забор, намертво отгораживающий проезжую часть от школьной и прилегающей к ней территории. Справа кладбище строительного мусора, прочно засиженного крапивой и чертополохом. Все это бетонное, щебеночное и арматурное нагромождение осталось еще со времен строительства школы. Год от года покрывалось все слоем пыли, грязи, летом пышно зеленело непроходимыми зарослями. Зимой щетинилось в небо высохшими стеблями.

Отвратительное место, подумала она. И практически необитаемое. Если кому вздумается свести с ней счеты, лучшего места просто не найти. И чего она тут ходит каждое утро? Ведь можно идти и по ту сторону забора, по тротуару, а она тут каблуки сбивает. Короче путь? Ну разве метров на сто — сто пятьдесят. Удобнее идти напрямую от подъезда и не огибать людную по утрам остановку на площади? Да, возможно. Не хочется толкаться локтями с утра со своими

же школьниками, летящими наперегонки по тротуару? Наверное, это и есть главная причина.

— Вас жду, Анна Иванна.

Красивый порочный рот Петровского улыбнулся, показались невозможно ровные белые зубы. И она снова подумала: не могут быть у человека такие ровные, такие белые, такие безупречные зубы. И губы его... словно накрашенные, потом слегка припудренные и снова накрашенные. И щеки со следами утреннего бритья. Очень гладкие, очень блестящие. Волосы... Темные, прямые, аккуратно уложенные и почему-то нетронутые ветром. А ветер-то имеется! Ее косынку трепал так, что она ее трижды, пока шла, поправляла.

Все какое-то ненатуральное. Она разозлилась непонятно с чего. Все как-то слишком у этого Петровского!

«Не надо придирайтесь к детям, милые мои. Они такие, какими их создал Господь и родители!» — кольнуло в висок изречением, сделанным Кольской неделю назад в учительской.

Над Петровским кто-то постарался вовсю, со вздохом сделала она вывод через минуту.

— Что ты хотел? — Она медленно пошла, стараясь не замечать, что парню приходится семенить рядом с ней по сырой траве и кромка его идеально выглаженных брюк пачкается.

— Анна Иванна, не спрашивайте меня сегодня, пожалуйста, — вдруг попросил Петровский и посмел вцепиться в ее локоть и чуть придержать. — Пожалуйста!

— Почему это? — Она шевельнулась именно так, как надо, чтобы он ее выпустил: не нервно, не испуганно, как-то небрежно и слегка. — Не выучил? Загулял?

— Нет, не гулял, проблемы в семье. С мамой скандалили всю ночь, не подготовился я.

Молодой человек остановился. Дальше идти ему было нельзя. Дальше бы их увидели вместе и... Сначала робкий смешок в коридоре, потом...

Схема известна.

— Врешь? — покосилась она на него подозрительно, вздохнула, не заметив мерзкой лживой искры в темных глазах, и все равно подытожила: — Врешь, Петровский.

— Спрóсите, да?

Он стоял теперь у нее за спиной, и ей было от этого жутко неудобно. Представляла, как он рассматривает ее сзади, как ерзает глазищами по ее плащу, сапогам, косынке. С ненавистью смотрит? С интересом? Или с вожделением?

Последнее исключалось, сделала она для себя неутешительный вывод через мгновение. Ее нельзя было желать, ею нельзя было восторгаться, в ее честь нельзя было слагать стихи. И уж если и подстергать в темном переулке, то лишь для того, чтобы ограбить или вот, как этот Петровский, послабление себе выпросить.

Почему? Потому что она была заурядной, вот! Так ее охарактеризовал перед своим уходом бывший муженек — Саша.

— Ты заурядная, Анька! Ты настолько обыкновенная, что... что мне зубы сводит! — надрывался он возле двери

в ванную, где она заперлась и плакала. — Я не хочу тебя! Не хочу уже давно! Видеть тебя не могу! Ты не женщина, ты учительница! Ты смотришь, говоришь, даже трахаешься как учительница!

— А это как? — высунулась она в тот момент из ванной с красным, распухшим от слез лицом.

— За-уряд-но! — с удовольствием и по слогам прокричал он ей прямо в ухо. — По методическому плану...

Почему он не ушел просто так? Почему уничтожил ее, уходя? Чтобы она после него ни с кем уже и никогда не смогла?! Так ему безразлично было. Он ее никогда не ревновал в их совместной жизни. Теперь-то уж чего?

Так что не мог Петровский смотреть на нее даже с любопытством. Он мог на нее смотреть с неприязнью, к примеру. Или с ненавистью. Они — изверги эти — почти всех учителей ненавидят или боятся. Или, боясь, ненавидят. Они же не могут любить тех, кто с них спрашивает. День за днем, день за днем. Требует, оценивает, наказывает.

Противно!

Она вдруг остановилась и резко глянула себе за спину. Странно, но Петровского она врасплох не застала. Он с тоской смотрел куда-то в сторону и беззвучно шевелил губами. Выглядел он не очень. Подавленным он показался, каким-то раздавленным. Может, в самом деле родители что-то не то делили? Имущество, детей, чувства?

— Вадим, — позвала она его негромко.

Он дернулся, подобрался, посмотрел на нее затравленно.

— Я не спрошу тебя сегодня, — произнесла она и, перебивая поток его благодарностей, уточнила: — Я спрошу тебя в конце следующей недели по всем темам. Готовься. Будет для тебя зачет. Для тебя одного!

— Спасибо, Анна Ивановна. — Глаза Петровского сделались похожими на две огромные влажные после ночной росы черешни. — Никогда не забуду!

— Ох, господи! — закатила она глаза со вздохом. — Иди уже, занимайся...

Поверила она ему или нет? А разве это важно? Он мог соврать, мог и не соврать. Разбираться она уж точно не станет. Для нее главное было выполнить свое обещание. Своим словом она дорожила, она его стерегла от посягательств извне. И поэтому, когда в учительской на второй перемене математичка Софья Андреевна увлекла ее к окошку и зашептала доверительно, что Петровскому верить нельзя, а она видела, как он Анну Ивановну стерег, значит, просить о чем-то собрался. Она тут же решила, что теперь-то уж точно ни за что его не спросит. Назло хотя бы Софье. Углядела, фря глазастая! Углядела, как Петровский ее подстерегал на пустыре. Так за сыном бы своим смотрела, который вторую неделю прогуливает. Софья хоть и лопочет что-то в его оправдание, мол, мальчик болен, кто ей верит-то?! Отвратительный мерзавец вышел у математички-мамы и инженера-папы. Интеллигентная семья, с чего так?

Это не она, это Кольская так восклицала — дура малахольная. Ее удивляло — пожалуй, ее одну и удивляло, —

с чего это мальчик вырос таким проблемным в среде вполне нормальных родителей. А что родители едва концы с концами сводят, живут до сих пор со стариками, один из которых прудит в кровать, и на отдых дальше пригорода никуда не ездят, ее ни черта не удивляло. И что пацан в чьих-то обносках порой приходит, Кольскую не возмущало тоже.

Может, она притворяется, а? Может, вся ее лояльность, жизнерадостность, беспечность — это все игра? Играет Белоснежку, а внутри ведьма. Хорошо вот ей играть никого не надо. Она такая, какая есть, — скучная и заурядная. И другой, и захотела бы, стать никогда не сможет. Бывший муж Саша так и сказал, как приговорил:

— Анька, это диагноз! И с ним тебе жить!..

День прошел как всегда: тускло, безрадостно, муторно. С опросом, с зачетами, с двойками, пятерками, выгоном из класса. Все одно и то же, одно и то же. Каждый сегодняшний день похож на предыдущий и точно будет похож на завтрашний. И заболеть нельзя, и прогулять, и отпуск взять, когда захочется. Они ведь тоже, как и все эти ненавидящие их изверги, обречены. Разница лишь в том, что у тех срок заключения — минимум девять, максимум одиннадцать лет. А у них — пожизненно.

— Мам, привет.

Анна вздрогнула, стерла с лица угрюмость и повернулась на звонкий голосок.

Сын Игорь уже оделся и нетерпеливо гарцевал у входа. Она чуть его не проглядела. Хорошо, позицию выбрала удач-

ную, мимо нее он не проскочил бы. А так снова упустила бы, как вчера, позавчера, позапозавчера.

— Привет, дорогой. — Она потянулась к его макушке, но он увернулся. — Как дела? Как отметки?

— Мам, ну ты же все знаешь, чего спрашиваешь? — сморщился Игорек.

Конечно, он догадывался, что его сегодня похвалил физик на всю учительскую. Пожурила англичанка за ошибки в контрольной. И объявила благодарность матери класска за то, что Игорек помог ей во внеклассной работе. Они же не могли молчать до родительского собрания, когда родитель — вот он, под боком. Они все разболтали. И он не мог расходовать свое время на то, чтобы все это матери пересказывать. Он спешил!

Она безошибочно угадала все это в его глазах, так похожих на глаза отца. Светло-серые, порой со стальным блеском, порой ускользающие в сторону или негодуяще поворачивающиеся. Сейчас ее мальчик негодовал.

— Ты сегодня ночуешь дома, — схватила она сына за рукав куртки.

— Мама, не начинай! — заныл Игорек и потянул из ее руки рукав. При этом он так пыхтел и упирался, что еще немного — и она не удержалась бы на ногах и налетела бы на него. — Мы же договорились, что эту неделю я у папы!

— Та неделя, когда ты у папы, уже прошла, — напомнила Анна сыну, и в душе тут же заныло.

Она теряет! Она и его теряет тоже! Она раз уступила, позволив ему пожить у Саши, и все!

— Пошла вторая неделя, ты ночуешь дома. Иначе...

— Иначе что?! — Ему удалось наконец вырваться, он отскочил на безопасное расстояние, с которого она его не достанет. — Иначе что?!

— Иначе ты больше к нему не пойдешь никогда! Я могу это устроить, ты же знаешь.

Она говорила с собственным сыном тихо, властно и надменно. Именно так ей удавалось умирять самых отъявленных мерзавцев, затаскивающих мерзкий коридорный шепот в класс. Ее некоторые побаивались вполне конкретно.

С сыном ничего не вышло. Он глянул на нее с кривой ухмылкой, вечно уродующей лицо его отца, и выдохнул с неприязнью:

— Ничего ты не сможешь, поняла! И я буду жить там, где захочу! Мне уже двенадцать лет!

— Я помню, что тебе двенадцать лет, — кивнула она коротко и вдела руки в карманы юбки, чтобы, не дай бог, не вцепиться в сына и не начать его трясти от бессилия и злобы. — И что?

— А то! Что, если суд спросит, с кем я хочу жить, я отвечу...

— Су-у-уд? — Она обомлела.

Как все далеко зашло, господи! Ах, Сашка, Сашка! Как ты мог, подонок?! Как мог позволить себе покуситься на последнее, что у нее осталось от их совместного счастья?! Игрек, деточка, маленький смешной кутенок, до шести лет про-

спавший в маминой кровати. Что он с тобой сделал?! Чем испортил?! Чем купил?! Что внушил?!

— Какой суд, сынок? — выдавила она с трудом, немного справившись с потрясением. — Он что, собрался со мной судиться?! Вы... Вы что, вступили в сговор?! Сыночка... — Горло перехватило, и она всхлипнула. — Ты... Ты тоже предал меня?!

— Мам, не начинай, — промямлил Игорек уже без всякого выражения, виновато шмыгнул носом и попятился к двери, на ходу надевая шапку и застегивая куртку. — Я еще сегодня дома у папы переночую, а завтра... Завтра точно к тебе, мам.

У папы, значит, дома. А у нее?! Кто она ему? Кто она им всем: бывшему мужу, сыну, извергам, ежедневно наводняющим школу?! Чудовище безликое и заурядное?! Нечто бесформенное? Без души, без сердца, без чувств и желаний? Что... Что они все с ней сделали?!

Анна не помнила, как вышла из школы, как передвигала ноги по раскисшей тропе на пустыре, как вошла в подъезд и поднялась к себе на этаж. Как вошла в квартиру, не помнила тоже. Швырнула сумку с тетрадями на пол, села на маленькую пухлобокую банкетку с обтрепавшимися углами сиденья и замерла с неестественно выпрямленной спиной.

Она никому, вообще никому не нужна. Сначала ее бросил муж. И он не просто ушел к другой женщине — насколько ей известно, он до сих пор один, — он просто ушел от НЕЕ. Теперь ее бросает сын. Он ею тяготится. Ее скучная